

Кортеж двигался на восток, проезжая через Центральные равнины в область Цзяннань. Климат постепенно становился мягче и теплее, а пейзажи сменялись с величественных и суровых северных просторов на утонченную и ясную красоту водных краев Цзяннаня. Повсюду виднелись небольшие мостики над ручьями, сновали лодки, а в дымке тумана и мороси белели стены и чернели черепичные крыши, склонялись ивы — истинная живая картина, подобная поэзии. Налань Цинъюй и Чжун Лин, отличавшиеся живым нравом, не смогли усидеть на месте: они прильнули к окнам кареты, указывая на проплывающие мимо лotosовые пруды и каменные мосты, щебеча и восхищаясь увиденным. Даже Му Ваньцин, чей характер обычно был холодным, а во взгляде часто застыл мороз, глядя на эту нежную картину, столь непохожую на высокие горы и густые леса Дали, невольно смягчилась. Ее ледяное сердце, казалось, коснулся теплый ветерок Цзяннаня, вызвав на поверхности легкую рябь.

В один из дней после полудня кортеж достиг берегов озера Тайху. Перед ними раскинулась гладь до самого горизонта, где небо и вода сливались в единое целое. Озерный бриз доносил влажные испарения и легкий запах рыбы. Вдали, словно зеленая улитка, покоился остров, затерянный в безбрежных водах. Остров был густо засажен чайными деревьями и различными кустарниками; хотя сейчас был не сезон цветения камелий, пышная зелень лесов и искусно спланированный ландшафт позволяли представить великолепие будущего цветения, когда цветы, словно огонь, отражаются в лазурной глади. Это и была окутанная тайнами мира боевых искусств Усадьба Манто.

Налань Цинчэн не стала направлять свой приметный нефритовый паланкин прямо к острову, чтобы не тревожить хозяйку и не навлекать лишних хлопот. Она приказала ученицам Дворца Линцзю, сопровождавшим кортеж, дожидаться их в уединенной тени ив у берега, а сама, взяв с собой Цинъюй, Чжун Лин и Му Ваньцин, едва заметно двинулась вперед. Подобно четырем ивовым листьям, подхваченным легким порывом ветра, они бесшумно проскользнули по зеркальной глади озера, даже не оставив на воде следов, и в мгновение ока оказались на земле Усадьбы Манто. Несколько прачек у берега лишь мельком заметили вспышки светло-фиолетового, белоснежного, изумрудного и черного цветов, да увидели легкую рябь на воде, но, протерев глаза, уже никого не увидели и решили, что это всего лишь пролетели водоплавающие птицы.

Внутри усадьбы павильоны, террасы, мостики и ручьи были расположены с изысканностью, свойственной лучшим садам Цзяннаня. Извилистые коридоры, причудливые скалы, пышная растительность — повсюду чувствовался утонченный дух интеллигентного дома. Однако сквозь эту изысканность острое духовное восприятие Цинчэн уловило застойный, затхлый дух многолетнего затворничества, а также давящую атмосферу, созданную властной и склонной к самодурству Госпожой Ван (Ли Цинло), которая словно невидимой паутиной окутала этот красивый остров.

Цинчэн слегка расширила свое восприятие, которое, словно разливающаяся ртуть, беззвучно накрыло всю Усадьбу Манто. Каждая травинка, каждый слуга и работник, вплоть до подземных тайников и библиотечных павильонов — всё было под ее контролем. Почти мгновенно она обнаружила в задней части сада, в оранжерее с крышей из прозрачного стекла, где было много света, необычайно спокойную, но наполненную легкой грустью ауру.

В оранжерее царила весна, состязались в красоте экзотические растения. Юная девушка в белоснежном шелковом платье замерла перед горшком с диковинной орхидеей, чьи жилки

напоминали золотые нити, а лепестки — глазурь. Лицо ее было необычайно красиво, кожа светлее снега, брови как далекие горы, глаза как осенняя вода. Она обладала утонченным, почти неземным темпераментом, тихая и спокойная, словно орхидея в пустой долине, чистая и невинная. Однако на ее изящных бровях лежала тень невыразимой печали, подобная назойливой дымке в сезон дождей в Цзяннане. Это была Ван Юйянь.

Она тихо прошептала, едва шевеля губами, а голос ее звучал нежно, словно ветер, касающийся струн цитры: — Согласно записям в Нефритовой пещере Ланхуань, семнадцатая форма Чудесного меча Небесного пера из Клана Муюн из Сучжоу под названием Взгляд летящего лебедя отличается яростным напором и прямым ударом в центр, но изменения в ней слишком прямолинейны. Если встретить противника, владеющего техникой ног Следом за Тенью, легко обнажить уязвимое место сбоку. А если начать движение с позиции Гуй-мэй в технике Шаги по волнам, используя инерцию разворота, а затем перейти к позиции У-ван, слегка вибрируя кончиком меча, чтобы создать три призрачных образа, не компенсирует ли это недостаток гибкости? Взаимодействие истинного и ложного должно сделать защиту от этой атаки гораздо более сложной для противника. — Ее тонкие пальцы чертили в воздухе, имитируя движения меча, лицо было сосредоточено — она выглядела как мастер, погруженный в глубокие размышления. Но закончив, она тоскливо вздохнула: — Увы, хотя я и знаю принципы всех боевых искусств мира, постигла суть всех перемен, сама я... лишена сил даже курицу связать. Имея лишь теорию, в конце концов я занимаюсь лишь пустыми разговорами, это лишь цветы в зеркале и луна в воде.

— Знать, как всё обстоит, но не понимать причин этого. Зацикливаться на изяществе смены приемов, но не постичь истинного смысла управления энергией боевых искусств и, тем более, не коснуться первоисточника резонанса земной и небесной энергии. Жаль, так жаль, что у тебя такой дар — постигать учение всех боевых искусств мира, такой острый ум.

Ясный голос, подобный звуку ударяющихся камней, с легким налетом потусторонней глубины, внезапно раздался в тишине оранжереи. Ван Юйянь вздрогнула от неожиданности, придя в себя, и резко обернулась. Перед ней стояла девушка в нежно-фиолетовом струящемся платье. Неизвестно, когда она появилась, но сейчас она с улыбкой смотрела прямо на нее. Красота этой женщины была такова, что даже та, кого с детства величали божественной девой и кто привыкла к красоте, на мгновение замерла от изумления! Ее кожа отливала нефритом, глаза сияли как лак, черты лица были столь совершенны, словно не принадлежали земному миру, а весь ее облик излучал неземную чистоту. Три девушки, следовавшие за ней, также были поразительно хороши собой: одна наивная, другая озорная, третья холодная и прекрасная. Словно четыре жемчужины, они в одночасье озаарили собой всю оранжерею.

— Вы... кто такие? Как вам удалось проникнуть во внутренние покои Усадьбы Манто? — Ван Юйянь поднялась, инстинктивно сделав маленький шаг назад, и коснулась рукой цветочной подставки. На ее лице не было страха, только удивление и любопытство. Хотя Усадьбу Манто нельзя было назвать неприступной крепостью, охрана здесь была строгой, а в эти внутренние покои слугам вход был заказан. Эти женщины смогли появиться здесь беззвучно, значит, они были необычными гостями.

— Кто я и откуда пришла — не имеет значения, — Налань Цинчэн медленно подошла ближе, ее взгляд скользнул по лежащим на столике рукописным пособиям по боевым искусствам с изящными схемами движений и подробными комментариями — они явно были написаны рукой

Ван Юйянь. — Важно лишь одно: госпожа Ван, ты... довольна своей жизнью?

— Довольна? — Ван Юйянь слегка растерялась, в ее глазах мелькнуло недоумение.

— Довольна тем, что всю жизнь заперта в этом крошечном уголке озера Тайху, тратя свой невероятный багаж знаний и мудрость в боевых искусствах на несбыточные мечты своего кузена Муюн Фу, который одержим идеей возрождения страны, хотя на деле лишен талантов?

— Слова Налань Цинчэн были спокойны, но каждое из них било как острый нож, точно попадая в самый уязвимый уголок души девушки. — Довольна ли ты тем, что стала лишь ходячей библиотекой, способной анализировать приемы, но лишенной даже способности к самообороне, будучи игрушкой в руках судьбы? Довольна тем, что твои лучшие годы и талант подавляются твоей матерью, чья душа искалечена любовью и чей гнев выплескивается на весь мир, и кузеном, который видит лишь призрачные цели и никогда по-настоящему не заботился о тебе?

Ван Юйянь слегка задрожала, лицо ее побледнело, а зубы мягко прикусили нижнюю губу. Эти слова словно сорвали повязку с кровоточащих ран, которые она так старательно скрывала: это была самая глубокая боль и смирение в ее душе! Сколько ночей она проводила перед одиноким огоньком свечи, погружаясь в книги и анализируя приемы — разве не для того, чтобы найти хоть малейший шанс вырваться из этой невидимой тюрьмы? Но оковы реальности были слишком тяжелы.

— Я... я всего лишь слабая женщина, рожденная здесь и проживающая свою жизнь здесь. Такова моя судьба, что я могу сделать? — В ее голосе сквозили неистребимая горечь и смирение перед своей участью.

— Слабая женщина? — Налань Цинчэн тихо рассмеялась, и в этом смехе слышалась властная гордость. Она подняла указательный правый палец, на кончике которого струился тонкий, как нить, фиолетовый свет, наполненный огромной жизненной силой и таинственной мощью грома. Он пульсировал, словно живой, излучая чарующую, внушающую благоговение ауру. — Кто сказал, что женщина должна быть слабой? Сила — это не только кулаки и мышцы. Твоя мудрость, твои глубокие знания, твое понимание законов, по которым движутся боевые искусства и все сущее в мире — это одна из самых ценных и фундаментальных сил! Просто ты не нашла пути, как превратить этот ум в реальную силу. Это как обладать сокровищницей, не зная об этом.

Она слегка шевельнула пальцем, и свет грома перелетел на подоконник, к камелии, на которой только что распустились свежие ростки. Сияние впиталось в росток, и тот на глазах начал расправлять листочки, становясь изумрудно-зеленым и полным энергии! — Посмотри на этот побег. На первый взгляд он хрупок, но в нем скрыта бесконечная жажда прорваться сквозь землю навстречу свету. Я владею методом, что не имеет ничего общего с мирскими упражнениями. Он направляет энергию неба и земли, закаляя саму суть души и открывая скрытый потенциал жизни. Он сделает твой разум ясным, мудрость — безграничной, позволив превратить ее в защитную силу и даже... видеть законы, которые движутся за призрачными приемами боевых искусств. Ты хочешь этому научиться?

Ван Юйянь неотрывно смотрела на этот фиолетовый свет грома, полный возможностей, а затем перевела взгляд на глаза Налань Цинчэн, глубокие, как звездное небо, полные безграничной мудрости и силы. Небывалое желание, порыв вырваться из оков и устремиться за истинным путем, подобно лесному пожару, охватили ее сердце! Разве не для того она изучала все боевые искусства, чтобы найти высшее Дао? И вот теперь перед ней открылся ясный и прямой путь, превосходящий все, что она могла себе вообразить!

— Я... я правда могу? Я правда смогу не просто знать, а по-настоящему владеть силой? — Ее голос дрожал от неверия, но в глазах засиял яркий свет.

— Раз я сказала, что можешь, значит, так оно и есть, — голос Цинчэн звучал с такой уверенностью, что не допускал возражений, словно само небо подтверждало ее слова. — Эта Усадьба Манто слишком мала для тебя, она не удержит тебя. Мирские разборки и мелочные чувства — лишь рябь на пруду. Пойдем со мной, снаружи есть пространство, которому нет конца, есть звезды и океаны, есть истинный путь, который ждет, чтобы ты его познала. Твое место не здесь, на этом крошечном озере, а среди мириад вселенных!

В этот момент снаружи раздался резкий, неприятный женский голос, полный ярости и желания всё контролировать: — Кто столь дерзок?! Как вы смеете врываться в мои внутренние покои! Юйянь! Моя хорошая дочь! Чего же ты застыла, скорее иди к матери! — Госпожа Ван, Ли Цинло, в богатом облачении, с посиневшим от гнева лицом и свитой служанок, вооруженных мечами, ворвалась в оранжерею. Увидев, что ее бесценная дочь стоит рядом с чужестранками, а особенно рядом с той, что обладала таким завораживающим видом, она почувствовала приступ ревности и паники.

Ван Юйянь посмотрела на мать, чьи глаза были полны безумия и одержимости контролем, а затем на Налань Цинчэн, которая стояла невозмутимо, словно владелица мира, и открыла перед ней врата в новую жизнь. В сердце юной девушки созрело решение — это была смелость бабочки, покидающей кокон! Она глубоко вздохнула, поправила одежду и слегка поклонилась Ли Цинло. Ее голос был спокойным, но в нем слышалась небывалая твердость: — Матушка, я решила составить компанию этой госпоже и отправиться в странствие, чтобы познать истинные законы этого мира. Усадьба прекрасна, но это не то, чего жаждет мое сердце. Прошу, матушка... даруй мне свое благословение.

— Что?! Ты сошла с ума?! Как ты смеешь перечить матери! Это определенно проделки этих ведьм! Взять их всех! Живыми или мертвыми! — Ли Цинло, подобно подоженной петарде, пришла в ярость и отдала приказ.

Служанки бросились вперед, обнажая мечи! Му Ваньцин холодно хмыкнула, ее меч со звоном вышел из ножен на треть, ледяная аура убийства мгновенно заполнила пространство, заставив нападавших замереть. Чжун Лин крепко сжала свой кожаный мешочек, в ее глазах читалась настороженность. Малышка Цинъюй прижалась к сестре.

Однако, от начала до конца, Налань Цинчэн не повела даже глазом; ее взгляд по-прежнему с теплотой был обращен к Ван Юйянь, подбадривая ее. Лишь когда служанки уже готовы были броситься в атаку, она слегка повернула голову и бросила безразличный взгляд на Ли Цинло.

Всего один взгляд!

Ли Цинло почувствовала, словно оказалась в ледяном склепе! Неведомый страх, пришедший из самых глубин души, мгновенно сковал ее! Она видела перед собой не глаза, а первозданный хаос и грозный суд небес! Весь ее гнев, высокомерие и жажда власти растаяли, как лед под солнцем. Она открыла рот, но не смогла издать ни звука; тело ее окаменело, она не могла пошевелить даже пальцем, оставалось лишь смотреть широко открытыми глазами, полными невыразимого ужаса!

— Пойдем, — Цинчэн мягко улыбнулась Ван Юйянь, словно ничего примечательного не произошло. Она естественно взяла девушку за прохладную руку и развернулась, чтобы выйти из оранжереи. Ван Юйянь, не раздумывая, быстро последовала за ней, ступая легко, словно сбросила с плеч огромный груз. Му Ваньцин, Чжун Лин и Цинъюй последовали за ними следом.

Ли Цинло и ее свита, застывшие, словно деревянные истуканы, не посмели преградить им путь, даже неосознанно расступившись, чтобы пропустить их. Они смотрели, как пять фигур исчезают в конце цветочной дорожки, оставив после себя лишь аромат цветов и мертвую тишину.

Покинув Усадьбу Манто и снова пересекая водную гладь озера Тайху, они ступили на берег. Ван Юйянь оглянулась на остров, где жила больше десяти лет, — знакомый и бесконечно далекий. В сердце не было сожаления, лишь ожидание неведомого будущего и радость рождения заново. Она посмотрела на Налань Цинчэн, чье фиолетовое одеяние развевалось на ветру, и чей облик был подобен божеству, и твердо произнесла: — Госпожа, куда мы направимся теперь?

Цинчэн посмотрела на юг, и ее губы изогнулись в загадочной улыбке: — Говорят, на юге есть местечко под названием озеро Сяоцзин, виды там весьма приятные. К тому же заглянем туда, чтобы встретить там одну... мастерицу перевоплощений и проказ, чья изобретательность не знает границ.

<http://bllate.org/book/18770/1818989>